

Иосиф
Брейдо

ПОЛВЕКА НАЗАД. ЧЕТВЕРГ

* * *

Знаешь, слякотной осени был бы я рад,
Если б время помедленней шло

в листопад,

И летели бы листья, над нами кружась,
Прикрывая собой придорожную грязь,
Но дожидаться пока всё побелит снежок,
Чтоб вдохнуть полной грудью

в морозный денёк,

Ожидая потоки весенних ручьёв

Да прилётят из южной страны

соловьёв...

Потеряться в чащобах июльских лесов

И найтись, откликаясь на зов голосов.

В октябре вслух признаться,

как осени рад...

Жаль, что время летит всё быстреей

в листопад.

* * *

Буря в степи. Закрыты все дороги:

На юг, на север, запад и восток.

Всё для того, чтобы никто не смог

Уехать и замерзнуть, лишь бы боги

Степных дорог свой выполняли долг,

Но в рамках строгих.

Вой за окном,

и большей нет проблемы,

Чем пережить жестокие ветра,

А главное – дожить бы до утра...

Обсудим позже мы другие темы,
Ну, например, как жизнь порой щедря
На перемены.

Ведь кажется, что бедная планета

Ещё один не выдержит удар,

Слетит с орбиты, полетит в тартар,

И божьего уже не видеть света...

Но мы-то знаем: кончится кошмар,

И будет лето.

* * *

Когда зимой бессонными ночами

Мерещатся мне голоса сирен,

Манящих в дальний путь из этих стен

Февральскими буранными снегами, –

Безумно тянет сдать в сладкий плен.

Вот потому,

пока бурлит кровь в жилах,

И чуда ждёт усталая душа,

То сладостный охватывает жар

От мысли, что судьба мне путь открыла

К сиренам возвращаться в град Задар.

* * *

Когда порою почему-то больно,

И на душе пустынно и тревожно,

То тянет посмотреть назад невольно:

Бежать вперёд всё время

невозможно...

А в прошлом, мнится,
жизнь была достойной,
Но память, как всегда,
солжёт безбожно...

* * *

Жизнь на капризы весь наш век щедра,
Живём мы только по её диктовке,
Такая бесконечная игра,
Где все давно известны заготовки...
В запасе много времени и сил,
И веришь, что свернёшь любую гору,
Куда бы руки сам ни приложил,
Любая – по плечу и точно впору.
Пусть сила есть,
никак не сладить с ней:
Наперекос, впустую и неладно –
И ни к чему стараться стать сильней,
Уходит всё сквозь пальцы
безвозвратно.

Когда уже не можешь ни черта,
То знаешь точно, что же делать надо...
Приходит мудрость поздно неспроста,
Уже не нужной никому наградой.

* * *

Запомни истину простую:
Не верь поэту, верь его стихам,
Он долго душу рвал напополам,
Свою или чужую.
И нет уже живого места там,
Лишь шрамы. А слова – впустую.

* * *

Любовь, иссякшая при жизни,
Задавленная грузом дней,
Вдруг возрождается на тризне,
С такою силой, что сильней
Уже не встретить на планете.
Пусть был при жизни баламут
И наследил на этом свете,
Но вспомнят после и всплакнут.
И не закроют больше тучи
Любимый образ. С этих пор

Он ничего не отчебучит:
Есть как бы тайный уговор,
Что памятник милей живого,
В нём страсти бывшей апогей...
И это, видимо, основа
Существования людей.

* * *

Пиар и рейтинг – царь и бог
Умов и мнений.
От дела стал ненужным прок,
Нужны лишь тени.
Под протокол – любой шажок:
Увы, не внове,
Чтоб доказать всегда бы смог,
Что не виновен.
А если что-нибудь не так,
Снимай вопросы,
Пока не сделал это враг,
Пиши доносы.
И далеко тот не дурак,
Чьи интересы:
Соревнования бумаг,
Как суть прогресса.
Держать людешек в кулаке,
В медвежьих лапах,
Идти по трупам налегке,
Но этот запах...

Пришли гнилые времена,
Так всё и будет:
Идёт бумажная война,
А гибнут люди.

* * *

Пожиратели километров,
Прижимая машины к дороге,
В догонялки играют с ветром,
Ничего не меняя в итоге.
В пункте А заросли дороги,
Под запретом там все перемены,
И законы сурово и строго
Охраняют замшелые стены.
В пункте Б не найти уголка,
Где чужому позволят остаться,

Он мстительно напомнит о себе
 Непроходящей и фантомной болью...
 Такая вот ревнивая приязнь,
 Что вашу душу будет мучить долго
 И обрекать её на пытки и на казнь
 За призрак неисполненного долга.

* * *

Навис над городом
 огромный диск луны,
 Расскажешь мне потом,
 какие снились сны
 Тебе, когда вот этот ярко-жёлтый диск
 Над нашим
 крепко спящим городом завис.

Языческих примет
 непобедима власть,
 Взгляд долгий на луну
 легко внушает страсть:

Приснишься только тем,
 которых жаждешь сам,
 И верится легко таким вот чудесам...
 Я вглядывался
 в диск настойчиво вполне,
 Кого ж пустила в сон,
 ответь, коль сможешь, мне.

* * *

Уже не рвёшься в дальние края,
 Знакомо всё, что ближе горизонта,
 Находишься во власти бытия
 И избегаешь потому экспромтов.

Но осенью не прячешься в тени,
 А жадно ловишь солнечные блики,
 Чтобы запомнить крепче эти дни,
 Как праздники
 среди серых дней безликих.

Сменился угол зрения. Теперь,
 Что самым важным ранее казалось,
 Вдруг утонуло в глубине потерь,
 И понимаешь: разве эта малость
 Так волновала? Сколько было сил
 Положено, чтобы достигнуть цели,
 Тогда над нами ворон не кружил,
 И хором, чуть подвыпив, песни пели.
 С годами чаще тянет быть вдвоём,
 Молчать и думать, как же мы похожи,
 Рассеянно смотреть на окоём,
 И ощущать тепло скупое кожей.

* * *

Какой бы сон ни навевала колея,
 Страсть к перемене мест неизлечима:
 Сидишь на месте,
 жизнь проходит мимо
 В невиданные дальние края.
 Ещё не познан мир,
 и сколько новых стран

И новых городов на этом свете...
 Когда в страну въезжаешь на рассвете,
 И проступает город сквозь туман,
 Как будто заново родишься в этот миг,
 Глубокое дыхание свободно,
 И выбираешь путь куда угодно,
 И снова пишешь жизнь на чистовик.

